

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
В 12

Ellen Marie Wiseman
WHAT SHE LEFT BEHIND

Перевела с английского
Екатерина Корнева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Вайсман Э. М.

В12 Что осталось после нее : [роман] / Элен Мари Вайсман; [пер. с англ. Е. Корневой] — СПб. : Аркадия, 2018. — 432 с. — (Серия «Методу»).

ISBN 978-5-906986-20-7

Главные героини романа — две девушки, Клара и Иззи. Они живут в разное время, но их судьбы похожи: обеим пришлось пережить предательство близких людей и один на один столкнуться с жестоким и несправедливым окружающим миром. Выжить или умереть? Уйти без следа или оставить после себя нечто большее, чем полуистлевшие вещи?

Элен Мари Вайсман объединяет прошлое и настоящее в завораживающей истории о любви, верности, сострадании и чувстве ответственности за слабых и беззащитных.

УДК 821.111
ББК 83.3(7)

© Ellen Marie Wiseman, 2014
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление,
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-20-7

*Посвящается моему мужу Биллу,
который всегда в меня верил*

Глава 1

ИЗАБЕЛЛА

*Государственная психиатрическая лечебница Уиллард,
1995 год*

Изабелла Стоун застыла на растрескавшейся, покрытой рытвинами дороге, ведущей к утопающему в тени деревьев зданию психиатрической лечебницы Уиллард. Приходить сюда было ошибкой — девушку охватил животный ужас, и она с трудом заставляла себя передвигать ноги.

Но с другой стороны, чего ей бояться? Стояла суббота — обычный, душный августовский день. Теплый ветер разносил запах рогоза и водорослей, овеивая им сосны, растущие слева от здания лечебницы. Становилось все жарче. От высушенной солнцем земли поднимались волны горячего воздуха, а цикады трещали в высокой траве, будто жужжащий живой термометр. С каждым часом эти звуки становились все громче и пронзительнее.

Стриженные газоны покатыми валами спускались от здания лечебницы к каменистым берегам озера Сенека. На его волнах покачивались парусные лодки, и длинный пирс, словно в приглашающем жесте, тянулся вдаль по поверхности искрящейся воды.

Но Изабелла — отец называл ее Иззи — не замечала ни теплых лучей солнца, глядящих ее по щеке, ни живописного пейзажа. В голове теснились воспоминания, которые она не могла прогнать уже много лет, —

мертвое лицо отца в луже подсохшей крови и страшная рана на его виске. Она как будто застряла в чистилище... Неужели ей суждено вечно помнить ту ужасную ночь?

Иззи вышла из тени Чапин-Холла — массивного главного здания — и, прикрыв глаза, подставила лицо солнцу, стараясь выбросить из головы навязчивые мысли. Но когда она взглянула на трехэтажный кирпичный особняк в викторианском стиле, с арочными окнами, к горлу снова подкатил комок. Огромный трехъярусный купол с окнами-бойницами возвышался над черной мансардной крышей, а вокруг множились бесконечные чердачные слуховые окошечки, башенки и трубы. За каменной крытой галереей с обветшалыми колоннами скрывались массивные двустворчатые двери. Высокие окна были зарешечены и почти все, не считая окошек на чердаке и круглых отверстий-бойниц в куполе, заколочены изнутри. Здание было больше похоже на дом с привидениями, чем на место, где помогают людям.

Сколько трагедий повидал этот монструозный особняк? Какими пугающими воспоминаниями пропитаны его кирпичи, цемент и матовое стекло, намертво скрепленные и запечатанные кровью и слезами? Неужели она никогда не избавится от боли и отчаяния, а воспоминания тысяч несчастных душ так и будут жить в Чапин-Холле и других зданиях лечебницы Уиллард? Неужели это место навсегда останется печальным символом потерянных жизней?

Она судорожно сглотнула подступивший к горлу комок и повернулась к озеру, козырьком поднеся руку к глазам. Наверное, люди, проплывающие мимо на лодках, смотрят на лечебницу и думают, что эти кирпичные здания и идиллический парк принадлежат какому-ни-

будь загородному клубу или колледжу. На расстоянии все выглядит таким опрятным и благопристойным. Но она-то знала, что это не так. Она легко могла представить, как пациентов выводили в сад: кто-то сидел в кресле-каталке, кто-то ковылял сам, с трудом волоча ноги по траве. Больничные робы свисали с тощих фигур с остекленевшими глазами. На секунду она почувствовала себя одной из них и перевела взгляд на голубое озеро. Понимали ли пациенты, что жители городков на другом берегу залива ведут обычную жизнь: катаются на лодках, устраивают пикники, влюбляются, рожают детей? Могли ли они мечтать о свободе, возвращении в «нормальный» мир? Или совсем не думали о жизни, которой лишились?

К горлу снова подкатила тошнота, когда Иззи вспомнила, как ее мать, Джойс, лежала на кровати в психиатрическом центре Эльмира, раскинув руки и устремив бессмысленный взгляд к потолку. А ее волосы торчали в разные стороны. День был такой же душный, как сегодня, и тушь вместе с подводкой для глаз поплыла и размазалась по ее бледным щекам. Мать была похожа на забытого под дождем клоуна. Иззи тогда уткнулась лицом в бабушкину юбку и стала проситься домой. Она никогда не забудет бесконечные белые коридоры психиатрического отделения, запах мочи и хлорки, темные комнаты, пациентов в инвалидных креслах и кроватях среди обитых резиной стен. После этого визита ей несколько лет снились кошмары. Иззи умоляла бабушку не заставлять ее ходить туда. К счастью, старая женщина прислушалась к ее просьбе.

Девушка обхватила себя руками и побрела по разбитой главной дороге, осматривая гигантскую копию той зловещей больницы. Зачем она сюда приехала? Могла

бы придумать, что у нее болит голова или крутит живот. Тогда ее место занял бы кто-нибудь из музейных сотрудников. Но она не хотела разочаровывать Пег — свою опекуншу, которая работала куратором выставок. Впервые с тех пор как ей исполнилось десять, после смерти бабушки, Иззи попала к опекунам, которым ее судьба была небезразлична.

Но меньше чем через год ей исполнится восемнадцать. Она знала, как все устроено, и отлично понимала: радоваться тут нечему. Как только перестанут присылать чеки, придется выживать самостоятельно. Стоит перерасти возраст, до которого дети находятся под опекой приемных родителей, как она станет бездомной. Иззи слышала истории о том, как другие подростки жили на пособие или продуктовые талоны, попадали в тюрьму или больницу, продавали наркотики. До какого же отчаяния нужно дойти, чтобы нарушить закон? А у нее пока все складывается неплохо, и ей не хотелось бы это портить.

Пег упростила Иззи съездить в старую психбольницу, чтобы отобрать самые интересные вещи, пока здание не разрушилось окончательно. Она согласилась, ни слова не сказав о том, что ее мучило. К счастью, Пег разрешила ей сначала осмотреться, поэтому Иззи не пришлось сразу идти внутрь вместе с остальными, спускаться в подвал, брести через морг, минуя десятки опустевших палат. Что бы подумала Пег, если бы узнала, что ее мутит от самой близости лечебницы Уиллард?

Она перешла по деревянному мостику высохший ручей и зашагала по узкой дороге к сосновому леску. Слева, на заросшем высокой травой поле, важно расхаживали казарки; круглые черные головки, видневшиеся над золотарником, походили на бархатистые верхушки

камыша. В нескольких футах от дороги, в гнезде, свитом из тимофеевки и песчанки, вытянув шеи, лежали грязновато-желтые птенцы. Иззи остановилась, чтобы понаблюдать за ними. Глаза у птенцов были открыты, но сами они не шевелились. Она осторожно придвинулась к ним, опасливо поглядывая на взрослых казарок. Хотя Иззи подошла довольно близко, птенцы оставались на месте. Они лежали неподвижно, будто речная галька. Почувствовав, что в горле пересохло, Иззи сглотнула. Птенцы то ли умерли, то ли умирали.

Она опустила на колени, взяла одного из них и осмотрела поникшее мягкое тельце: нет ли ран под крыльями или на животе, не сломаны ли ножки или шея? Нет, ничего. Мягкий пушок был еще теплым. Вдруг птенец моргнул. Значит, он жив! Может, они заболели, отравились химикатами или лекарствами, выброшенными из лечебницы? Иззи оглядела еще двух птенцов, но, не обнаружив никаких травм, положила их на место.

Разреши́т ли Пег забрать гусят, чтобы выходить? Иззи вспомнила, что диких животных в таких случаях лучше не трогать. Может, казарка прибежит им на помощь? Иззи поднялась с травы и пошла дальше. В глазах стояли слезы. Она оглянулась. Где же родители птенцов? Хоть бы с ними ничего плохого не случилось! Вдруг гусята вскочили и поковыляли по полю, а встревоженная мать с гоготом бросилась им навстречу. Иззи заулыбалась и вытерла слезы. Надо же, они только притворялись мертвыми!

Облегченно вздохнув, она направилась к сосновой роще. В стороне от дороги, посреди поля, стояло покосившееся четырехэтажное строение. Разбитые окна прикрывали решетки, крыша обвалилась, а зеленая черепица и покореженное дерево почернели от времени.

Здание выглядело здесь абсолютно неуместным. Оно было похоже на корабль, выброшенный из моря в тысяче миль от берега. Недалеко от него виднелись железные могильные кресты. Они окружали задичавшую поляну, словно кривые гнилые зубы. «Господи, это же кладбище лечебницы Уиллард!» Во рту у Иззи стало горько. Она резко повернулась и побежала обратно, к главному корпусу, к обветшавшим кирпичным зданиям, больше похожим на фабрику, чем на больницу. Эти строения соединялись с Чапин-Холлом, где находились палаты пациентов.

Пожарные лестницы были огорожены металлической сеткой, грязные окна скрывались за толстой решеткой, а из прогнивших рам сочилась черная грязь, стекавшая по кирпичным стенам. Двери и окна были заколочены изнутри, как будто кто-то хотел, чтобы живущие там воспоминания никогда не вышли на свет. Иззи вздрогнула. Сколько пациентов страдало и умерло в этом ужасном месте?

Кто-то окликнул ее по имени. Очнувшись, она обернулась и увидела Пег, которая с широкой улыбкой спешила к ней по дороге. Еще при первой встрече опекунша напомнила Иззи хиппи, этих «детях цветов» шестидесятых. И сейчас она выглядела так же: Пег была одета в джинсовый комбинезон и цветастую цыганскую блузу, а ее голову венчала копна буйных кудряшек.

— С ума сойти! — воскликнула Пег. — Я и не знала, что лечебница такая огромная!

— Большая, это точно, — с готовностью подтвердила Иззи.

— А ты видела лодочную станцию и причал? — спросила Пег. — Первая пациентка лечебницы приплыла сюда на пароходе в октябре 1869 года. Ее звали Мэри

Роут. Эта несчастная больше десяти лет была закована в цепи. Ее держали на привязи в богадельне округа Колумбия — без кровати, без одежды. В тот же день привезли еще троих пациентов — тоже в кандалах. Один из них сидел в клетке, наподобие птичьей.

Иззи посмотрела на пирс. Справа от причала стояла двухэтажная лодочная станция с разбитыми окнами и обвалившейся дранкой, делавшими ее похожей на чью-то помятую физиономию с нависшими веками.

— Дикость какая, — сказала девушка.

— Вот-вот, — подтвердила Пег. — Поэтому Уиллард и построили. Здесь лечили безнадежно больных людей, которых раньше держали в приютах и тюрьмах. Когда пациенты приезжали в новую лечебницу, их сразу мыли, одевали и кормили. И они спокойно отдыхали в своих палатах в основном.

— Значит, с ними хорошо обращались?

Пег помрачнела.

— Сначала хорошо, я думаю. Но со временем палаты переполнились, а здания обветшали. Печально, но половина из пятидесяти тысяч пациентов умерли в больнице.

Иззи закусила губу. Она не решалась попроситься обратно в машину. Пег улыбнулась и взяла ее за руку. Глаза опекунши загорелись.

— Пойдем! — позвала она. — Бывшая сотрудница хочет показать нам, что нашла в заброшенной мастерской. Похоже, что-то интересное! Ты должна это видеть!

Иззи внутренне содрогнулась, но послушно поплелась за приемной матерью. Что бы такого придумать, чтобы не ходить туда? Ничего не приходило в голову. Только совершенно глупые отмазки. А вдруг Пег

подумает, что она сумасшедшая? Прошлым летом, когда Иззи приехала к Пег и Гарри, она не сомневалась: новые приемные родители, так же как все остальные, берут детей, чтобы получать за них пособие и заставлять бесплатно работать. Гарри был арт-директором в музее, и Иззи сначала решила, что с деньгами у них не густо. К счастью, на этот раз она ошиблась. Новые приемные родители были такими славными! Они не наседали на нее, не приставали с разговорами; они понимали, что молодой девушке порой хочется побыть одной. Они выделили ей в своем трехэтажном доме в Интерлакене комнату с окнами на озеро. Теперь у нее был собственный телевизор, DVD-плеер, компьютер. Они ей доверяли. Наконец ей подарили свободу, ни в чем не подозревая и не осуждая. И впервые за долгое время Иззи почувствовала себя нормальной.

И все же иногда ей не верилось, что это правда. Слишком удачно все складывалось. У нее было предчувствие, что кто-то или что-то обязательно все испортит. Вечно с ней так. Вдруг она вспомнила, что через два дня начнутся занятия в школе, и у нее засосало под ложечкой. Быть новенькой в классе — это такая засада!

Когда они приблизились к мастерской, Иззи бросило в жар. Внешностью она пошла в мать: серо-голубые глаза, темные волосы, белая матовая кожа. Но стоило ей разволноваться, как на груди и шее выступали красные пятна. Вот и сейчас кожа стала зудеть. Одно дело — прогуливаться по газонам лечебницы, и совсем другое — зайти в здание. Ей так хотелось сбежать, что сердце стало лихорадочно колотиться в груди. «Это всего лишь работа, — сказала она себе. — Моя мать тут ни при чем. К тому же давно пора забыть о детских страхах».

Она собрала длинные волосы в узел на затылке, чтобы ветерок охладил вспотевшую шею.

— Тебе не жарко в кофте с длинными рукавами? — спросила Пег.

— Нет, — ответила Иззи и потянула рукава вниз, зажав ткань в кулаках. — Она совсем тонкая.

— Когда я складывала белье после стирки, я заметила, что у тебя нет футболок с коротким рукавом, — продолжила Пег. — Может, пройдемся по магазинам, купим тебе новую одежду?

Девушка криво улыбнулась.

— Спасибо, — ответила она. — Но мне нравятся футболки с длинными рукавами. И ты зря беспокоилась — я могу сама стирать свои вещи.

— Да ладно тебе, — с улыбкой возразила Пег. — Почему ты всегда носишь закрытую одежду?

Иззи пожала плечами.

— У меня уродские руки, — пожаловалась она. — Тощие, и цвет синюшный.

— Многие девчонки позавидовали бы таким длинным и стройным рукам и ногам, как у тебя, — рассмеявшись, сказала Пег.

«Вряд ли они стали бы завидовать, если бы увидели шрамы», — подумала Пег.

Она перевела взгляд на озеро и увидела у берега людей, которые сидели за столиками для пикника, прогуливались, играли в мяч и бадминтон. Странные фигуры были одеты в старую поношенную одежду. Они еле волочили ноги, словно одурманенные наркотиками. Иззи остановилась как вкопанная.

— А это кто такие? — спросила она Пег.

Женщина поднесла руку к глазам, чтобы не слепило солнце и, прищурившись, посмотрела на берег.